

НЕКТАР ДЛЯ ДУШИ

НОЧЬ НЕБЕСНЫХ СВЕТЛЯЧКОВ
ИСТОРИИ О ДОБРЕ И ЗЛЕ

Евгений ЧеширКо

Евгений ЧеширКо
Ночь Небесных Светлячков.
Истории о Добре и Зле
Серия «Нектар для души»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63069237

*Евгений ЧеширКо. Ночь Небесных Светлячков. Истории о Добре и Зле:
АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-132719-4*

Аннотация

Даже музыкальные инструменты со временем расстраиваются, что уж говорить о человеческих душах. Быт и житейские проблемы ослабляют струны души, заставляя их звучать тише и глуше. Несправедливость и равнодушие покрывают их черным налетом. Ложь и предательство рвут их на части. Эта книга – как камертон, а каждая история в ней – как чистое звучание, которое поможет вам настроить душу на прежний лад и она снова зазвучит прекрасной мелодией. И когда наступит Ночь Небесных Светлячков, мир вновь наполнится музыкой чистых душ.

Содержание

Как ветер	6
Однажды	12
Цилиндры	20
Ночь Небесных Светлячков	28
Туман	37
Ужин	43
Маленький Нок	52
Письмо тебе	61
Чайка и Баркас	66
Разговор в метро	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Евгений ЧеширКо Ночь Небесных Светлячков. Истории о Добре и Зле

© Евгений ЧеширКо, текст, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Евгений Чеширко – автор не только знаменитого «Днев-

ника Домового», который в рунете прочитали более 2 000 000 человек, но и сборников философских рассказов и притч. Среди них «Рассказы с чердака», «Закрайсветовские хроники», «Мрачная история» – и вот теперь долгожданная новая книга «Ночь Небесных Светлячков».

Как ветер

Молодой Ветерок ворвался в дом и, разогнав несколько пугливых Сквозняков, тут же спрятавшихся в чулане, остановился у комнаты с массивной деревянной дверью. Толкнув ее, Ветерок заглянул внутрь и увидел, что в комнате творится настоящее сумасшествие. Прямо в воздухе крутилась вокруг своей оси какая-то раскрытая книга. Каждую минуту потоком ветра из нее вырывалась страница и отлетала к десяткам таких же страниц, вращающихся в воздухе.

– Пап, ты очень занят? – спросил Ветерок.

Раскрытая книга и куча оторванных страниц тут же прекратили свой странный танец и полетели на пол.

– Сынок, ты зашел ко мне в гости?! – обрадовался Старый Ветер и бросился к своему сыну. – А я вот зачитался и не услышал, как ты вошел. Как ты? Рассказывай!

Ветерок вздохнул и, приподняв с пола одну страницу, принялся играть с ней, не давая опуститься на пол.

– Пап, я, собственно, зачем пришел... – Он еще раз подкинул вверх бумажный лист и повернулся к отцу. – Мне нужна твоя помощь.

– Сынок, о чем ты говоришь? – Ветер улыбнулся и взлохматил его волосы. – Я всегда рад тебе помочь. Что случилось?

– Каким мне быть, пап? – Ветерок посмотрел на отца се-

рьезным взглядом.

Отец понимающе кивнул и еще раз провел рукой по голове сына.

– Я чувствую, что ты хочешь поделиться со мной историей? – спросил он.

– Да, – вздохнул Ветерок и тут же начал свой рассказ. – Недавно я подружился с компанией молодых Ураганов и они взяли меня в поход. Несколько дней мы развлекались так, как я никогда в жизни не развлекался. Мы выворачивали из земли огромные деревья, срывали крыши с домов, водили хороводы и громко смеялись. Когда мои друзья пошли дальше, я на несколько минут задержался, чтобы еще раз посмотреть на то, что осталось после нас. Из полуразрушенного дома я услышал плач и заглянул внутрь. Оказалось, что плакала женщина – она разгребала завалы и постоянно повторяла чье-то имя... И вдруг до меня дошло, что у нашего веселья есть и другая сторона. Я никогда раньше не мог подумать, что за смех и радость одних могут расплачиваться другие. Мне стало стыдно, пап. Я не стал догонять своих друзей и свернул к морю, чтобы побыть немного в одиночестве. Я летел над водной гладью и думал о том, что больше никогда в жизни не свяжусь с Ураганами. Лучше я стану Форточным Сквозняком, чем увижу слезы человека, по моей вине потерявшего кого-то из близких.

Ветерок ненадолго замолчал, снова пережив в памяти события того дня, а затем продолжил:

– Через некоторое время на горизонте показался небольшой кораблик. Я решил, что отдохну на нем, потому что очень устал. Добравшись до него, я завернулся в парус и уснул. А проснулся от смеха. Надо мной смеялись, папа! Люди ходили по палубе и хохотали – они говорили, что я настолько слабый, что не могу даже сдвинуть с места их корабль. Сначала я разозлился и хотел закружиться Смерчем, чтобы разнести их суденышко в пыль, но потом вспомнил слезы той женщины – ведь кто-то из этих людей, смеющихся надо мной, мог оказаться ее сыном или мужем. Я вспомнил, что зарекся быть Ураганом и просто улетел подальше от этого корабля, терпя насмешки людей, которые они выкрикивали мне в спину.

Ветерок с надеждой посмотрел на своего отца.

– Каким же мне быть, папа? Когда я становлюсь сильным и мощным, люди боятся меня, плачут и не хотят меня видеть. Когда я превращаюсь в спокойного и покладистого – они смеются надо мной и позволяют себе унижать меня. Я не хочу ни того ни другого, но и стать обычным безликим Ветром, каких тысячи – этого я тоже не хочу. Каким мне быть, пап?

Старый Ветер выслушал своего сына и хитро улыбнулся.

– Сейчас эта загадка кажется тебе неразрешимой, правда, сынок?

– Честно говоря, да, – кивнул Ветерок.

– И это неудивительно. Ведь этот вопрос я задавал своему

отцу, а тот – своему. Теперь пришло твое время. Пойдем, ты сам все увидишь.

Старый Ветер распахнул дверь комнаты и вырвался из нее, увлекая за собой сына. Уже через несколько минут они летели по улицам города.

– Ты говорил, что над слабыми смеются? – шепнул отец сыну. – Смотри же.

С этими словами он пролетел мимо девушки, стоявшей у пешеходного перехода, и, едва заметно проведя пальцами по ее коже и слегка задев волосы, тут же бросился к парню, спешившему по своим делам. Подлетев к нему, Старый Ветер взмахнул рукой прямо перед его лицом и затих. Парня как будто ударило током. Голова дернулась и повернулась в ту сторону, откуда ветер принес запах духов и кожи. Уже поднимаясь вместе с отцом над городом, Ветерок увидел, как парень подбежал к девушке и стал что-то ей говорить. А она улыбалась.

– Кто-нибудь посмеялся надо мной, сынок? – хитро прищурившись, спросил отец.

– Нет. Кажется, они только радовались.

– Вот и хорошо. Не отставай!

Отлетев подальше от города, два ветра оказались на огромном пустыре. Старый Ветер неожиданно стал очень серьезным. Его глаза налились кровью, а хитрая улыбка слетела с лица, уступив место хищному оскалу. Отец кружился по пустырю, и с каждой секундой его движения становились

все резче и отрывистее. На глазах у сына он превращался в огромный Торнадо.

– Папа, зачем ты это делаешь? – кричал Ветерок, закрывая уши. – Перестань, папа! Ты же можешь кого-нибудь убить!

Но вдруг он увидел, как к Торнадо съезжаются люди. Они останавливались на почтительном расстоянии от него, выходили из машин и смотрели в его сторону.

– Ты говорил, что сильных боятся и не хотят видеть? – проревел отец. – Иди же и посмотри на их лица.

Ветерок тут же метнулся к людям и с удивлением увидел, что на их лицах не было ни слез, ни ужаса. Люди смотрели на буйство стихии с восхищением. Они фотографировали его отца, улыбались и не скрывали своего восторга.

– Кто-нибудь плачет, сынок? – выкрикнул Старый Ветер.

– Нет, пап. Они радуются!

– Тогда летим дальше!

Успокоившись, Старый Ветер взмыл вверх и, выбрав самую большую тучу из тех, что собрались поглазеть на Торнадо, схватил ее за край и потянул за собой. Он не спешил, поэтому Ветерку не приходилось гнаться за ним. Когда внизу показалась небольшая деревня, Старый Ветер отпустил тучу – и она тут же пролилась вниз дождем.

– Ты говорил, что не хочешь стать безликим Ветром, каких тысячи? – произнес отец. – Посмотри на людей внизу. Они не видели дождя уже два месяца, они боялись, что их урожай погибнет и им будет нечего есть. Посмотри, сынок,

они равнодушны?

– Нет, пап, они тоже радуются, – ответил Ветерок.

– Они радуются дождю, а не мне. Я безлик? Да. Но их радость – лучшая награда за мои труды. Ведь я знаю, кто принес им дождь.

Старый Ветер обнял сына, и они не спеша полетели домой. В тот день Ветерок получил ответ на свой вопрос и понял, что не нужно бояться быть сильным, не нужно стесняться быть слабым и не нужно всеми силами пытаться заслужить одобрение. Нужно быть разным. Как Ураган, как Бриз, как Шквал, как...

Как Ветер.

Однажды

Вы замечали, что все самое интересное в нашей жизни происходит однажды? Не в том смысле, что все хорошие события случаются лишь один раз. Нет. Просто все самые интересные истории начинаются с этого слова. Вот сидит компания за столом, все смеются, улыбаются, а кто-то вдруг произносит: «Однажды был у меня случай...» И все сразу замолкают и поворачиваются в его сторону. Все знают, что история будет занимательной. Или, к примеру, говорит человек: «Однажды я влюбился». И все понимают, что это была не какая-то мимолетная симпатия, а самая настоящая любовь. Или скажет кто-нибудь: «Однажды я встретил одного человека...» И все сразу понимают, что человек этот был каким-то необычным, неординарным. Значит, было что-то в этом человеке такое, что заслуживает внимания и слова «однажды». В общем, есть у этого слова какая-то магия. А магия, как известно, для того и придумана древними волшебниками, чтобы ею пользовались. Поэтому...

Однажды в деревне появился очень странный человек. Темное небо только начинало светлеть, поэтому на улицах было немногочисленно. Человек остановился у крайних домов, немного постоял и смелой походкой направился к центру деревни. Редкие прохожие, заметив его, инстинктивно перехо-

дили на другую сторону улицы и жались к заборам, проводя незнакомца долгими взглядами в спину. Как будто что-то очень горячее касалось их сердец, отчего хотелось побыстрее убраться прочь и никогда больше не видеть этого человека. Ведь все, что непонятно людям, во все времена их очень пугало.

Тем временем гость деревни целенаправленно шагал куда-то по булыжникам мостовой, не обращая внимания на шарахающихся людей. Но его взгляд то и дело метался от одного прохожего к другому, цепляясь за каждого невидимыми крючьями, а затем отпуская. Он искал. Завернув в узкий проулок, человек остановился и прищурился. Не заметив ничего подозрительного, он запрокинул голову и втянул ноздрями воздух. Ироничная улыбка медленно озарила его лицо. Негромко хмыкнув, он зашагал по переулку. Не успел он сделать и десятка шагов, как сзади послышался какой-то шелестящий звук, а через секунду к его горлу прикоснулось что-то холодное и острое.

– Кошелек или жизнь, мистер, – издевательски вежливо сказали за спиной, а нож еще сильнее прижался к горлу.

– Э-э, что? – еле сдерживая улыбку, произнес человек.

– Кошелек, глубокоуважаемый, обычный кошелек, набитый звенящими монетками. Ну, или жизнь.

– А, это игра такая? Ну, что ж... Я выбираю кошелек с монетами. Ваша жизнь мне ни к чему.

Грабитель слегка растерялся от такого поворота, но тут же

собрался и в его голос вернулась вежливая ирония.

– Да, вы правы. Это игра. Но играем мы на ваши вещи. По правилам игры вы отдаете мне или свой кошелек, или вашу жизнь.

– И что вы будете с ней делать?

– С кем?

– Не с кем, а с чем. С моей жизнью, – ответил мужчина, – на что вы собираетесь ее потратить?

– Ну... Я просто отберу ее у вас, и все.

– Вы не продумали правила игры, – усмехнулся человек. – Посудите сами. Вы предлагаете отдать одну из двух вещей на выбор, но совершенно не знаете, как можно воспользоваться одним из вариантов. Я бы еще понял, если бы вы предложили что-нибудь типа: «Кошелек или конь» или «Кошелек или пять мешков пшеницы». А ваше предложение изначально нерационально.

Нож, прислоненный к горлу, на секунду отстранился, но тут же снова прижался к коже.

– На что вы потратите мою жизнь, мистер? – продолжила свой монолог жертва ограбления. – Вы не сможете распорядиться ею так, чтобы это принесло вам хоть каплю выгоды.

– Возможно, что вы и правы. Но ведь вы ее лишитесь, а разве это не самое дорогое, что у вас есть? Разве вы не любите жизнь?

Человек рассмеялся так, что нож чуть не пустил кровь из его горла.

– Поверьте, – отдышавшись, произнес он, – никто в этом мире не любит жизнь так, как люблю ее я. Но я хотя бы знаю, как ею распоряжаться. Да и вообще, на каком основании я должен вам что-то давать?

– Дело в том, мистер, что вы не поздоровались со мной, когда проходили мимо. В нашей деревне, да и во всем цивилизованном мире принято здороваться. Вы же почему-то пренебрегли этим правилом хорошего тона.

– А вы уверены, что хотите, чтобы я поздоровался с вами?

– Конечно. Это же всегда так радует. – Грабитель переложил нож из одной ладони в другую и снова прижал его к горлу жертвы.

– В таком случае, с вашего позволения, я повернусь. Мне совершенно не видно вашего лица.

– Нет уж, увольте. Я не настолько придирчив, чтобы выражать недовольство тем, что вы не поздоровались со мной, глядя мне в глаза. К тому же, вы можете пораниться о мой нож.

– О, не беспокойтесь, я сделаю это аккуратно.

И в этот момент произошло кое-что не совсем обычное. Голова незнакомца стала медленно поворачиваться назад. Через пару секунд она развернулась на сто восемьдесят градусов и мужчина доброжелательно посмотрел прямо в глаза своего грабителя. От такого фокуса тот поменялся в лице и, бросив нож, уже собрался было бежать, но мужчина выкинул руки назад и крепко схватил его за длинный темный плащ.

– Вы все еще хотите, чтобы я с вами поздоровался? – Улыбнулся он.

– Н-н-нет...

– Это правильное решение, мистер грабитель. Ведь я здороваюсь всего один раз и никогда не прощаюсь. Я с удовольствием разошелся бы с вами разными дорогами, но наша игра, в которую вы предложили мне сыграть, не доиграна. Вы хотите ее продолжить?

– Нет, пожалуйста...

– Очень жаль. В таком случае, теперь моя очередь ставить вас перед выбором.

Мужчина на секунду задумался.

– Что ж, я думаю, такое условие вам понравится. Кошелек или... Или, к примеру, жизнь Энн Хейли.

Грабитель наморщил лоб, перебирая в памяти знакомые имена.

– Подождите... Энн Хейли? Дочь трактирщика Джона Хейли?

– Она самая, – кивнул мужчина.

– Та самая Энн Хейли с мерзопакостным характером, из-за которого она не может найти себе мужа уже сорок четыре года? Энн Хейли, которая в прошлом году убила сковородой лошадь? Вы говорите про ту Энн Хейли, которую не пускают в церковь, потому что на нее упало распятие?

– Да, именно о ней и идет речь, – кивнул мужчина.

– Конечно же, я выбираю ее жизнь, – рассмеялся граби-

тель, – здесь и думать нечего. Даже ее отец, старина Джон, боится ее, как дьявола.

– Ну что ж. Я уважаю ваш выбор, – улыбнулся мужчина, – жизнь Энн Хейли теперь принадлежит...

Незнакомец отпустил полы плаща грабителя и сложил ладони вместе. Между ними что-то заискрилось и темный переулок на мгновение озарило синеватое пламя.

– Жизнь Энн Хейли теперь принадлежит вам, Джек Рид.

– Как это? – опешил грабитель, совершенно не обратив внимания на то, что незнакомец знает его имя. – Что значит – мне?

– Я вам сразу сказал, что правила вашей игры мне не понравились. Поэтому я слегка их изменил. Вы должны были выбрать не из того, что вы мне отдадите, а из того, что я вам подарю. Вы выбрали жизнь Энн Хейли. Теперь она принадлежит вам.

– То есть я должен ее убить?

– Зачем? – поморщился мужчина.

– А вы сами не можете с этим справиться?

– С чем?

– Ну... С ее жизнью. Вы же... Я же правильно понял? Вы – Смерть?

– Почему вы так решили? – усмехнулся незнакомец.

– Просто ваша голова крутится во все стороны, как ветряная мельница, у вас нет зрачков, вы искрите своими ладонями, совершенно не боитесь ножа, а самое главное – вы

говорите, что здороваются только один раз. Кто вы, как не Смерть?

Незнакомец расплылся в широкой улыбке и посмотрел на Джека.

– Нет, я не Смерть. Вы ошиблись.

– А кто же вы тогда?

– Я – Мистер Любовь. И я тоже здороваюсь только лишь однажды... Послушайте, а ведь вы могли бы выбрать кошелек.

Все кусочки этой загадки, наконец, сложились в голове Джека. Глаза грабителя округлились, он сделал шаг вперед и молитвенно сложил ладони.

– Нет, только не это! Я вас прошу! Не надо! Я отдам вам все свои деньги!

– Мне они не нужны.

– Заберите лучше мою жизнь!

– Не переживайте, однажды моя подруга Мисс Смерть обязательно скажет вам: «Здравствуйте», а пока что я говорю вам...

– Нет!!! – Грабитель упал на колени и протянул руки к незнакомцу.

– ...здравствуйте, Джек Рид.

Мужчина снова улыбнулся и медленно зашагал по переулку, оставив обезумевшего грабителя в одиночестве.

Вся деревня и близлежащие поселения еще долго судачи-

ли об этой свадьбе. Еще бы, самый отъявленный и неуловимый грабитель всего западного побережья – Джек Рид по прозвищу Полголовы неожиданно сделал предложение дочери трактирщика – Энн Хейли, которую из-за ее несносного характера и совсем непривлекательной внешности боялись даже черти. Говорят, что пара выглядела счастливой. Особенно Джек. Ведь это была настоящая любовь, которая случается лишь однажды.

Цилиндры

– Как ваши дела, Виктор Степанович? – Доктор вошел в палату районной больницы и, подойдя к койке, принялся раскладывать на тумбочке шприцы и ампулы с лекарствами. – Как самочувствие?

Старик открыл глаза и устало улыбнулся.

– Чувствую себя цилиндром, Лёша.

– Каким еще цилиндром? – удивленно вскинул брови доктор.

– Обыкновенным таким цилиндром, – тяжело вздохнул Виктор Степанович, – глупым старым цилиндром.

Доктор всмотрелся в глаза старика, но, убедившись, что тот находится в сознании и не бредит, снова занялся распаковыванием шприцов и вскрытием ампул.

Виктор Степанович был уже старым человеком, к тому же неизлечимо больным. Это понимали и врач Алексей, и он сам. Оба они прекрасно осознавали, что старику осталось жить на этом свете считанные дни, но старательно избегали этой темы в разговорах. Во время ежедневных процедур они частенько беседовали и обсуждали самые разные вопросы. Бывало, что даже ожесточенно спорили, доказывая друг другу свою точку зрения. Виктор Степанович был прекрасным рассказчиком, и бывало, что Алексея, заслушавшегося его историями, возвращали в реальность медсестры, разыскива-

ющие его по всему отделению. Алексей, сам того не замечая, привязался к этому доброму и жизнерадостному старичку, поэтому даже уколы приходил делать сам. К тому же он знал, что у старика совсем не осталось родных. Жена умерла еще лет семь назад, сын уехал на заработки в другую страну да так и пропал – ни слуху ни духу. Изредка к Виктору Степановичу приходила его двоюродная сестра, но она уже и сама с трудом передвигалась в силу своего возраста, поэтому ее визиты становились все реже и реже.

– Лёша, – негромко позвал доктора старик.

– Да?

– Ты знаешь, кто такие цилиндры?

– Ну... Фигуры такие геометрические.

– В детстве мы называли так людей, которые казались нам глупыми, – проигнорировав слова Алексея, произнес старик, – а сейчас я понял, что на самом деле я и есть такой цилиндр.

– Такого я еще не слышал, – усмехнулся доктор, – а с чего это пошло? Почему именно цилиндры?

– Брось ты свои шприцы. Присядь, а я тебе расскажу.

– Но...

– Да присядь, говорю. Успеешь еще свои наркотики мне вколоть.

Доктор, немного посомневавшись, присел на стул и посмотрел на Виктора Степановича. А тот, на несколько секунд прикрыв глаза, как будто мысленно вернувшись в свое дет-

ство, начал свой рассказ.

— Когда я был маленьким, я жил в небольшой деревушке, тут неподалеку. Сейчас я уже не вспомню, сколько было в ней домов. Может тридцать, а может и все пятьдесят. Впрочем, это не так уж и важно. У меня было много друзей и в свободное время мы выходили на улицу и играли в разные игры. Так было и в тот день. Воздух на горизонте дрожал от нестерпимой жары, а очертания домов и деревьев на фоне неба становились все более четкими и резкими. Все говорило о том, что скоро начнется гроза. И правда, через полчаса небо потемнело, сильные порывы ветра зашуршали листьями, а дорожная пыль закружилась и поднялась в воздух, заставляя то и дело протирать глаза. Вся ребятня разбежалась по домам, в том числе и я. Когда я подбежал к своему двору, моя мама уже закрывала ставни, одной рукой придерживая на голове платок, который норовил сорваться и отправиться в путешествие вслед за ветром. Я помог маме, и мы вместе зашли в дом. Она пошла зажигать свечи, а меня что-то заставило остановиться. Я замер в дверях и с восторгом наблюдал за этим буйством стихии, за этой мощью, которая заставляет людей прятаться в свои норки и не высовывать оттуда носа. Вот тогда я и увидел его. Он был одет в темный костюм, на голове высился цилиндр, а в правой руке была зажата резная трость, кончиком которой он мерно отсчитывал свои шаги, втыкая ее в плотную землю грунтовой дороги. Странно, что человек в таком дорогом наряде вооб-

ще появился в нашем захолустье, но еще страннее было то, что он шел прямо в сторону надвигающейся грозы. Его размеренные шаги были тверды, осанка – гордой и непоколебимой. Его подбородок был приподнят, а глаза... Ты знаешь, я и сейчас помню этот взгляд – спокойный, уверенный и... Как бы сказать... Торжествующий, что ли. И в какой-то момент он повернул голову и посмотрел на меня. Тогда мне даже на секунду показалось, что я увидел в его глазах отражение всполохов молний, которые уже буйствовали в небе на подходе к деревне. Было плохо видно, но мне показалось, что он слегка улыбнулся. Редкие капли срывающегося дождя стекали по его лицу, но он даже ни разу не поморщился и не смахнул их рукавом. Он шел навстречу грозе так, как будто шел на встречу к своей любимой подруге. Не хватало только цветов в его руке.

Я смотрел на него всего несколько мгновений, а потом он миновал наш дом и больше я его никогда в жизни не видел. На следующий день мы с друзьями, конечно же, обсмеяли этого странного человека. Еще бы, кто же в здравом уме будет вышагивать в дорогом костюме навстречу грозе? Только сумасшедший какой-нибудь. С тех пор еще долгое время мы и называли «цилиндром» того, кто как-нибудь оплошал или совершил какой-нибудь глупый поступок. В конце концов все про него забыли и больше никогда не вспоминали. Все, кроме меня. Я рос, становился взрослее, но моя память нет-нет, да и откапывала из воспоминаний эту картинку, на

которой человек с тростью и в цилиндре смело шагает навстречу грозе и смотрит на нее почти влюблённым взглядом. Первый десяток лет я вспоминал его со смехом, рассказывая эту историю в компании своих новых друзей. Затем – с улыбкой и легкой ностальгией по своему детству. Когда большая часть моей жизни осталась позади, я думал о нем, пытаюсь понять, что именно побудило его поступить именно так, а не попросить укрытия в ближайшем доме и переждать грозу. Я не находил ответа. Еще через десяток лет мне стало казаться, что я начинаю его понимать, а сейчас, когда моя жизнь уже на исходе, я...

Старик запнулся, закрыл глаза и прикрыл их рукой, сделав вид, что он просто немного устал. Тяжело вздохнув, он продолжил.

– А сейчас я понимаю этого человека, Лёша. Понимаю и мне горько от того, что я так долго не мог понять эту простую, но очень важную истину. Ты знаешь, я бы сейчас многое отдал за то, чтобы вернуться на пару-тройку десятков лет назад и прожить их по-другому.

Виктор Степанович внимательно посмотрел в глаза доктора.

– Всю свою жизнь, Лёша, мы только и делаем, что смотрим на окружающих нас людей и гадаем: «А что они обо мне думают? А что скажут? А вот если я вот так сделаю, то не испорчу ли их отношение к себе? А не назовут ли они меня дурачком?» Вся наша жизнь – это пристальный взгляд на себя

чужими глазами. Глазами тех, кто боится грозы и прячется от нее в норах. Тех, кто не может и не умеет оценить ее красоты, совершенства и мощи, влюбиться в нее, задохнуться от ее величия и прелести. Мы смотрим на себя глазами тех, кто никогда не скажет грозе: «Я тебе рад!» Тех, кто никогда в жизни не позволит себе быть обласканным ею, тех, кто никогда не сможет улыбнуться ей и пойти к ней навстречу. Вот они и есть настоящие цилиндры. А мы на них равняемся.

Старик замолчал и протянул руку, сжав в ладони локоть Алексея.

– Лёш, я чувствую, что недолго осталось. Поможешь мне?

Через пять дней над одной из деревень района разразилась гроза. Ветер гнул деревья, срывая с них листву и разбрасывая по дороге, как праздничные конфетти. Всполохи молний озаряли черное небо, вычерчивая на нем причудливые узоры. Дождь крупными, но пока еще редкими каплями срывался с тяжелых свинцовых туч.

У самой окраины деревни остановился автомобиль. Внутри сидело два человека. За рулем – Алексей, а на пассажирском сидении – Виктор Степанович. Он был одет в классический черный костюм, а в руках он держал новенький цилиндр.

– Может, передумаете, Виктор Степанович? – опасливо поглядывая на небо, произнес доктор.

– Нет, Лёша, не передумаю, – покачал головой старик, –

ты лучше за себя переживай. Что ты скажешь в больнице?

– Скажу, что сбежал, – улыбнулся тот, – у нас такое иногда случается.

– Вот и хорошо, – кивнул старик, – всё, я пошел.

– Виктор Степанович, возьмите на всякий случай, – доктор протянул старику сверток со шприцами, – я собрал все необходимые лекарства.

– Нет, мне они больше не пригодятся. Всё, Лёш, мне пора. И это... Не будь цилиндром, хорошо?

– Не буду, Виктор Степанович.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Старик крепко пожал ему руку и открыл дверь.

– А! Чуть не забыл! – хлопнул себя по лбу Алексей и, протянув руку, достал с заднего сиденья красивую деревянную трость. – Вот, это тоже вам.

– Спасибо, Лешка! Спасибо тебе за всё. А теперь езжай, не жди меня.

С этими словами старик, кряхтя, выбрался из автомобиля. Резкий порыв ветра чуть не сбил его с ног, но он устоял. Первый шаг дался его ослабевшему организму с большим трудом. Опираясь на трость, старик поглубже натянул на голову цилиндр и неуклюже зашагал по дороге родной деревни. Шаг, еще шаг. Виктор Степанович поднял голову и посмотрел на небо. Очередная молния прочертила на нем кривой зигзаг и тут же исчезла, уступив место следующей.

– Я иду к тебе, – прошептал старик и улыбнулся грозе.

Алексей сидел в машине, положив руки на руль, и смотрел вслед уходящему старику. И видел, как с каждым шагом его походка становится все увереннее и свободнее, как расправляются плечи, как поднимается выше подбородок и трость стучит о землю все резче и резче. Алексей положил голову на руки и закрыл глаза.

А старик шел по улице и смотрел на грозу тем самым спокойным, уверенным и торжествующим взглядом. В один момент он заметил какое-то движение справа. Повернув голову, он увидел, что в дверях одного из домов стоит мальчишка и смотрит на него широко открытыми глазами. Старик улыбнулся ему и уже через несколько секунд скрылся за углом дома. Он шел навстречу грозе так, как будто шел на встречу к своей любимой подруге. Не хватало только цветов в его руке.

Больше его никто и никогда не видел.

Ночь Небесных Светлячков

Барсук по праву считался самым мудрым и образованным зверем во всем Круглом лесу. Дело в том, что его нора находилась недалеко от небольшого лесного озера, на берегу которого часто останавливались на ночевку туристы. Каждый раз, заслышав людские голоса, Барсук дожидался ночи, выбирался из норы и бесшумно подбирался к палаткам так, чтобы его никто не смог заметить.

Притаившись в темноте, он с интересом прислушивался к людским разговорам, из которых каждый раз узнавал что-то новое. Например, именно от людей он узнал о том, почему в этом году в озере так много рыбы. Оказалось, что это не подарок Водяного, как считали все звери леса, а так случилось «из-за запланированных мероприятий представителей лесничества и министерства водного хозяйства». Барсук не совсем понимал значение этих слов, но теперь он точно знал, что к этому «чуду» приложил руку человек, а не какой-то там Водяной.

Узнав от людей что-то новое, он старался сразу же рассказать об этом всем своим друзьям. Некоторые слушали его, раскрыв рты, другие сомневались в правдивости его слов, но, тем не менее, проникались уважением к этому рассудительному и образованному зверю, ведь свои речи Барсук произносил с таким важным видом и таким убедительным тоном,

что даже скептически настроенные звери не решались ему возражать.

В тот августовский вечер Барсук, прогулявшись по лесу, решил лечь спать пораньше, чтобы рано утром, пока люди на озере еще не проснулись, успеть поживиться остатками их трапезы, которые те непременно оставят в котелке. Удобно устроившись в своей норе, он закрыл глаза и задремал, но его сон тут же был нарушен громким голосом, раздавшимся сверху.

– Барсук! Эй! Ты дома?

Недовольно вздохнув, он замер, надеясь, что незванный гость уйдет, но не тут-то было.

– Я чую твой запах, Барсук! – снова слышалось сверху. – Ты сегодня снова забыл помыться? Выходи, старый пройдоха!

– Чем громче ты кричишь, тем больше меня нет дома! – ответил хозяин норы, но все же обнюхал себя.

– Выходи, полосатый нос! – не унимался гость. – Неужели ты меня не узнал?

Голос действительно показался Барсуку знакомым, но он никак не мог припомнить, кому он принадлежит. Наконец любопытство взяло верх, и через несколько секунд его нос показался из норы. И тут же был кем-то укушен. Укус был не сильный, но неожиданный, отчего Барсук не удержался и как-то по-щенячьи взвизгнул, чем тут же вызвал смех нагло-го гостя.

– А ты все такой же пугливый, как и в молодости, старый трусишка! Помнишь, я всегда говорил, что в тебе течет заячья кровь?

И тут Барсук наконец сообразил, кто же ждет его у входа в нору. Забыв об опасности, он тут же выскочил наружу. Так и оказалось – перед ним, игриво склонив голову набок и скалясь в белоснежной улыбке, стоял друг его детства – Лисенок. Много лет назад, когда оба были еще совсем маленькими, они случайно столкнулись в лесу и, конечно же, подрались, как это принято у тех, которые потом становятся лучшими друзьями. Когда раны зажили, они подрались еще раз, а потом, когда встретились в третий раз, уже поняли, что не могут друг без друга. Так они и подружились, но когда немного подросли и окрепли, Лисенок ушел от родителей и отправился в путь на Зов Леса, как это принято у лис, а Барсук остался жить в своей норе, потому что никто из его рода никогда не слышал ни о каком Зове, который барсуки считали обычной лисьей выдумкой для того, чтобы избавляться от своих детей и жить в свое удовольствие.

За время отсутствия Лисенок заметно изменился, превратившись из маленького облезлого комочка рыжей шерсти с испуганным взглядом в крепкого Лиса с яркой ухоженной шерстью и пушистым хвостом.

– Ты помнишь? – не переставая улыбаться, произнес он. – Я говорил тебе, что однажды вернусь в Круглый лес и приду к тебе в гости?

– Конечно, – рассмеялся Барсук, – но, честно говоря, я не очень в это верил. Я думал, что ты уже забыл обо мне.

– Я всегда держу свое слово. Когда-то я сказал тебе, что вернусь в Ночь Небесных Светлячков и мы вместе пойдем на наш холм и всю ночь будем смотреть, как они рисуют наверху свои узоры. Я здесь, Ночь наступила, и наш холм ждет нас, мой друг.

– Ночь Небесных Светлячков... – задумчиво произнес Барсук. – А, наверное, ты имеешь в виду...

– Все разговоры потом, иначе мы пропустим самое интересное! – произнес Лис и, махнув хвостом, тут же скрылся в зарослях. – Не отставай!

Когда запыхавшийся Барсук добрался до холма, Лисенок уже был там. Приподняв голову, которую он положил на передние лапы, он оглянулся на своего друга и снова улыбнулся.

– А ты совсем не изменился, – беззлобно хмыкнул он, – все такой же неповоротливый толстячок, каким был в детстве. Скорее же, друг, Светлячки уже летят!

Произнеся эту фразу, Лис посмотрел на небо. Сегодня оно выглядело просто волшебным. Молочная река, протянувшаяся от края до края черного свода, поражала своей красотой. От нее просто невозможно было оторвать глаз. Величие и спокойствие, с которыми река несла свои небесные воды в космический океан, заставляли сердце биться чаще, а в теле появлялась странная дрожь, как будто смотришь на что-то

невероятно прекрасное и доброе, но в то же время грозное и могущественное. И вдруг на одно мгновение в небе загорелся маленький огонек. Он не стоял на месте, а, стремительно прочертив короткую, но яркую линию, тут же погас. Не прошло и нескольких секунд, как справа от него вспыхнул еще один, повторив короткий путь первого. Через несколько минут Небесные Светлячки принялись разрезать небо то тут, то там. Они вспыхивали и тут же гасли, но на их месте появлялись другие, не менее яркие и быстрые.

С трудом заставив себя оторваться от невероятного зрелища, Лис повернулся к Барсуку.

– Я рад тебя видеть, мой друг, – тихо произнес он. – Я никогда не забывал о своем обещании и каждый раз, когда в далеких краях мне приходилось смотреть на Светлячков, я думал о том, что когда-нибудь я вернусь и мы, как раньше, сядем рядом на холме и будем смотреть на них вместе.

Барсук кивнул и уселся рядом с Лисом.

– Я тоже рад, что ты вернулся, – произнес он, – но с тех пор прошло много времени и мы стали старше и умнее. И знаешь что? Оказывается, это никакие не Светлячки, а просто огромные камни, которые падают с неба вниз и сгорают из-за того, что летят слишком быстро. И нет никакой Ночи Небесных Светлячков. Люди называют это Персе... Персеидами вроде бы. Точно не помню, но как-то так. Я еще не понял почему, но эти камни летят с неба каждый год и в этом нет ничего удивительного. А то, что мы раньше назы-

вали Молочной рекой, – это просто куча таких же камней или чего-то вроде них, которые светятся где-то далеко. Они очень большие, поэтому мы их и видим.

Казалось, что Лис его не слышит – он так и стоял, задрал голову, но через минуту он молча лег на землю и, вытянув перед собой передние лапы, медленно положил на них голову, уставившись перед собой. Барсук же, решив, что его друг настолько поражен его знаниями, что не может вымолвить и слова, решил снова блеснуть своей эрудицией.

– А Ночное Солнце – это совсем не глаз Небесного Зверя, как нам в детстве рассказывал Старый Волк, а тоже огромный камень, который крутится вокруг всех нас в небе. Кстати, нет никаких Небесных Зверей. Там вообще нет ничего живого, потому что там нечем дышать и нет никакой еды.

Лисенок тяжело вздохнул и прикрыл глаза. Его пушистый хвост несколько раз подмел землю и прижался к своему хозяину.

– А еще я узнал...

– Довольно знаний на сегодня, мой друг, – тихо произнес Лис, – довольно.

Барсук замолчал, а Лис, вволю насладившись ночной тишиной, открыл глаза.

– Знаешь, там, где я сейчас живу, – негромко произнес он, – тоже бывают люди. И я тоже иногда слушаю их разговоры, мой друг. Я узнал от них много нового и удивительного.

Не всему я верю, но мне кажется, они знают гораздо больше нас. Обычно они сидят ночью у костра и говорят о вещах, которые я совсем не понимаю. Я не могу понять смысла многих слов, но однажды я тоже слышал, как большой человек рассказывал о звездах своему детенышу. Он называл Молочную реку Млечным путем, а Светлячков – метеорами.

– Да! Точно! Метеоры! – радостно вскрикнул Барсук, но Лис не обратил на его слова внимания.

– Я верю его словам, – продолжил он, – но, знаешь... Это знание не принесло мне ни капли счастья. Я часто вспоминаю, как мы с тобой, маленькие Лисенок и Барсучок, сидели здесь, на этом холме, смотрели на Небесных Светлячков, спорили о том, холодная ли вода в Молочной реке, пытались понять – чем пахнет Ночь, какая на вкус Зима и сколько капель в Дожде... Я помню, что здесь, с тобой, я был счастлив и именно поэтому я всегда хотел вернуться сюда не в то время, когда с неба падают и сгорают самые обычные, хоть и большие камни, а именно в Ночь Небесных Светлячков. Я мечтал о том, что мы снова, хоть ненадолго, станем теми маленькими детенышами и сможем смотреть вокруг нашими детскими глазами. Я верил, что когда-нибудь я вернусь и мы с тобой будем замирать от восторга, разглядывая этот волшебный мир.

Лис поднялся на ноги и снова взглянул на небо.

– Жаль, что я увидел здесь только постаревшего мудрого Барсука, ночное небо и несколько десятков метеоров. Про-

сти, что не дал тебе выспаться. Наверное, у тебя завтра много дел.

Он бросил на своего друга виноватый взгляд и побрел вниз по холму. Барсук молча смотрел ему вслед, но, когда Лис уже отошел на приличное расстояние, окликнул его.

– Лисенок!

Лис остановился.

– Прости, я думал, что тебе будет интересно узнать о том, какой этот мир на самом деле.

– Спасибо, – крикнул тот в ответ, – теперь я точно знаю, что он скучный и неинтересный.

– Может быть и так, но для того, чтобы это проверить, нам с тобой нужно обязательно дождаться утра и посмотреть, как на краю земли расцветает большая Красная Ягода. Как думаешь, она сладкая или кислая?

Лисенок улыбнулся и, весело взмахнув хвостом, посмотрел на Барсучка.

– Уверен, что кислая, но по мере того как она зреет и становится желтой, скорее всего, кислинка пропадает.

– Скорее всего, так и есть, – кивнул Барсучок, – желтые ягоды обычно безвкусные.

– Безвкусные, как Ветер? – радостно подпрыгнул на месте Лисенок.

– Как Тень, – ответил Барсучок и улыбнулся.

Лисенок снова поднялся на холм и, усевшись рядом со своим другом, посмотрел вверх. Он понял, что эта Ночь

Небесных Светлячков обязательно будет волшебной.

Туман

Воин сидел на камне и задумчиво осматривал рукоять своего меча. Свое оружие он знал наизусть. Каждую выщербину на лезвии, каждую вмятину на гарде и рукояти. Этот меч он получил в подарок от своего учителя на день своего совершеннолетия. Это было около десяти лет назад, но с тех пор они не расставались. Меч стал продолжением его тела, его составной частью. В выдававшуюся минуту отдыха он доставал его из ножен, аккуратно и нежно проводил пальцем по холодной стали, затем брал специальную бархатную тряпицу и принимался полировать лезвие. Но сейчас было не до отдыха. Уже второй день он пробирался к логову, каждую секунду ожидая удара в лоб или спину.

Все началось около месяца назад. Густой непроглядный туман опустился на деревню. Сначала жители никак на это не отреагировали. Подумаешь, туман... С кем не бывает. Через две недели было собрано вече, на котором решили, что всё это неспроста и туман не может быть таким долгим. По прошествии еще одной недели несколько семей решили покинуть деревню и переехать в другое, более спокойное и безопасное место. К концу месяца половина жителей уехала из деревни, а другая собирала вещи. Это не могло не взволновать главу поселения. Как ни пытался он успокоить сельчан, никто его не слушал. И на то были причины. Дело в том, что,

недавно поселившийся в горах Дракон периодически терроризировал жителей окрестных поселений. Ничего особенно-го. Все было как обычно. Раз в полгода-год он утаскивал какого-нибудь запоздалого путника, иногда мог сжечь своим огненным дыханием чью-нибудь делянку с урожаем или просто, пролетая над домами, вызвать крыльями шквал ветра, который переворачивал в деревне всё, что не было прибито к земле и не привязано к дому. Всё бы ничего, люди уже привыкли к нему, но последние несколько месяцев он не объявлялся, а потом еще и этот туман... В общем, глава деревни хоть и был глуповатым человеком, но все же не настолько, чтобы не сопоставить эти два факта и не понять, что Дракон задумал что-то действительно серьезное. Ничего не оставалось, кроме как нанять Воина. Это дело, конечно, затратное, но глава прикинул все возможные последствия и решил, что лучше он отдаст половину своего золота Воину и решит проблему с Драконом, чем останется в пустой деревне один на один с возможностью погибнуть завтра или послезавтра.

Два дня назад Воин взял аванс, выслушал требования главы и ушел в горы на поиски надоевшего Дракона.

– А ведь можно было с него и побольше содрать, – вслух произнес Воин и встал с холодного камня. Постояв на месте и прислушавшись к завываниям ветра, он, стараясь не шуметь, продолжил свой путь.

С каждым шагом туман становился все гуще, что говорило о том, что он идет в правильном направлении. Перешаг-

нув через большой булыжник, он замер. Чутье никогда его не подводило. Вот и сейчас он практически кожей почувствовал рядом с собой чье-то присутствие. Медленно опустив руку на рукоять меча, Воин повел головой из стороны в сторону и даже не удивился, когда в нескольких метрах от себя увидел два огромных желтых глаза, вспыхнувших золотистым огнем.

– Да-да... Я узнаю этот меч. А это значит, что я знаю и его хозяина, если только он не погиб в бою и его оружие не присвоил себе еще более величественный Воин, чем тот, с которым я уже встречался.

Голос был похож на урчание огромного кота, с примесью какой-то хрипотцы. Будто этот кот всю свою жизнь курил табак и никогда не ходил к врачам, когда простужался.

– Так вот кто здесь устраивает представления, – спокойно сказал Воин и медленно повернулся лицом к источнику голоса, – мой давний знакомый. Если я правильно помню, последний раз мы виделись около пяти лет назад.

– Четыре с половиной. Помнится мне, что тогда было лето, – ответил Дракон.

– Да, верно. Как твое крыло?

– Зажило. Надеюсь, что твоя рука тоже в порядке?

Воин потер плечо и слегка поморщился.

– Конечно. Но, скажу честно, мне пришлось около трех месяцев залечивать рану.

– Ну что ж, тогда и я не буду скрывать, что шрам, остав-

шийся от твоего меча, до сих пор побаливает. Впрочем, давай перейдем к делу. Я догадываюсь, зачем ты сюда пришел. Можешь приступать.

Воин кивнул и вытащил из ножен свой острый, как бритва, меч.

– Уверяю тебя, в этот раз ты не оставишь на мне и царапины, – самоуверенно произнес он.

– Да, ты прав, – ответил Дракон.

– Что значит – прав? – Воин опешил оттого, что с ним так легко согласились.

– Ты прав в том, что я не оставлю на тебе царапины. Если только ты сам не поцарапаешься о мои когти.

– Хитрый Дракон, – ухмыльнулся Воин, – хочешь притупить мою бдительность? Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы поверить в твою покорность.

– Нет, ты ошибаешься, – в голосе Дракона, как показалось Воину, проскользнула нотка грусти. – Если бы я мог, я бы убил тебя еще когда ты только приближался к моему логову. И я сделал бы это быстро, уважая тебя как самого лучшего врага, который встречался мне за все время моей жизни.

– А знаешь, – немного помолчав, ответил Воин, – ведь ты в чем-то прав. За свою жизнь я не обзавелся ни одним настоящим другом, но нажил себе кучу врагов, из которых ты – самый...

– Да, я понимаю, что ты хочешь сказать. Самый лучший враг.

– Да. Самый лучший. Ты всегда заставлял меня становиться лучше и сильнее. Именно ты своим существованием сделал из меня Воина. Некоторые говорят – Великого Воина. Если бы не ты, я бы до сих пор бегал по подземельям, разгоняя сборища всякой мелкой нежити. Ни один друг не сделал бы из меня того, кем я стал.

Дракон вздохнул и устало прикрыл глаза.

– Теперь тебе придется искать нового врага, – произнес он через некоторое время.

– Это точно. – Воин сделал шаг вперед и поудобнее перехватил меч, но вдруг, что-то вспомнив, остановился. – Подожди, ты сказал, что убил бы меня, если бы мог. Почему же ты не сделал этого?

– Потому что ты опоздал.

– Опоздал? Здесь был кто-то до меня?

– Нет. Ты лучше меня знаешь, что никто из тех, кто называет себя воинами, не решился бы прийти ко мне. Никто, кроме тебя. Скажу честно, сначала я ждал тебя, чтобы убить, а потом, когда туман стал слишком густым, я ждал тебя, чтобы попрощаться.

– Причем здесь туман? Разве не ты напустил его на деревни, чтобы под его покровом творить свои делишки?

– Так ты не знаешь? – Глаза Дракона снова вспыхнули во мгле. – Пока мы живы, мы умеем рождать пламя. Когда же мы умираем, наше дыхание становится ледяным. Мы начинаем выдыхать туман. Вот и мое время пришло.

– То есть ты болен?

– Смертельно.

Воин опустил меч и разочарованно посмотрел на Дракона.

– Но... Ты не можешь умереть. Это нечестно!

– Это жизнь, мой враг. И только ей подвластны понятия о честности.

– Но это же... Как я могу тебе помочь?

– Помочь? Хм... Разве что, если ты побудешь со мной до рассвета. Оказывается, умирать в одиночестве – очень скучное и невеселое занятие.

– Я обещаю, что буду с тобой до конца. – Воин вложил в ножны меч и уселся рядом с огромной головой Дракона.

Они говорили всю ночь. Вспоминали былые подвиги и битвы, в которых им приходилось встречаться, показывали друг другу шрамы от ран, которые когда-то оставили друг другу, смеялись и веселились. А потом уснули. Воин, облокотившийся на еще теплую морду своего врага, и Дракон, свернувшийся своим огромным телом на холодных камнях.

Утром, когда рассвет только забрезжил над горизонтом, жители деревни смотрели на небо и видели на нем звезды. Впервые за последний месяц.

Ужин

Дмитрий Павлович бросил надменный взгляд на швейцара, услужливо и суетливо открывшего перед ним дверь, и проследовал к своему столику. Он всегда ужинал за одним и тем же столом. Поэтому табличка с надписью «Reserved» пропадала с белоснежной скатерти только тогда, когда Дмитрий Павлович находился внутри заведения. И тут же появлялась вновь после его ухода.

– Здравствуйте, Дмитрий Павлович, – администратор ресторана уже спешил к нему на полусогнутых ногах, – в нашем меню появилось новое изысканное блюдо! Его непередаваемый...

– Мне как обычно, – сухо бросил мужчина и, тяжело выдохнув, уселся за стол.

– Сделаем, Дмитрий Павлович, – кивнул администратор и засеменил на кухню, иногда оглядываясь на важного посетителя.

Мужчина положил на колени портфель и достал из него целую пачку бумаг. Пока его ужин готовился, можно было немного времени уделить делам. Договоры, контракты, соглашения... Времени на все катастрофически не хватало, поэтому каждую свободную минуту приходилось расходовать рационально.

– Димка!

Дмитрий Павлович вздрогнул от неожиданности. Давно уже он не помнил, чтобы к нему обращались так фамильярно. А обращались именно к нему, так как, подняв голову, он увидел, что напротив него, прямо за его столиком сидит Смерть.

Увидев на улице персонажа в такой одежде, можно было бы подумать, что это чья-то неудачная шутка, но сейчас у Дмитрия Павловича почему-то не возникло и тени сомнения в том, что это именно она. От нее прямо веяло каким-то арктическим холодом, но этот холод ощущался не кожей, а на более тонком уровне – как будто в один миг замерзли все эмоции и чувства.

– Димка! – весело повторила она. – Ну чего ты такой смурной? Как дела?

Дмитрий Павлович на секунду замер, а потом, застегнув портфель, медленно отложил его на соседний стул.

– Вы знаете, могло быть и лучше...

– Ты прав, Димка, могло бы, – кивнула Смерть и принялась осматривать интерьер ресторана. – Хорошее место. Давно сюда ходишь?

– Уже года два, наверное.

– Что? – Смерть тут же уставилась ему в глаза. – Не ври мне.

– Д-да я не вру. Вроде бы, – заикаясь, промямлил Дмитрий.

– Еще раз спрашиваю. Давно сюда ходишь?

Взгляд мужчины забежал. Он принялся судорожно вспоминать, когда именно ему впервые посоветовали этот ресторан.

– Ну... Может, не два, может полтора.

– Врешь. Еще раз.

Дмитрий облокотился на стол и прикрыл ладонью глаза.

«Так. Мне этот ресторан показал Геннадий Александрович, когда мы подписали контракт на поставку оборудования. Когда это было? Поставки начались в сентябре, значит это примерно... Да, точно. Подписывали мы в начале августа. Получается, что год и девять месяцев».

– Год и девять месяцев назад. Это точно, – уверенно кивнул Дмитрий.

– Слушай, ты в кого такой врунишка, а? – улыбнулась Смерть и дурашливо пригрозила ему пальцем.

– Да точно! Я помню, что это было год...

– Не нужно мне врать, – жестким голосом перебила его Смерть, – не нужно мне врать о том, что ты измеряешь свою жизнь годами.

– Как это? – не понял Дмитрий. – А чем же еще?

– Сейчас поймешь, Димка. – Смерть уселась поудобнее и зачем-то потерла костлявые кисти друг о друга. – Это моя любимая игра с людьми. Я называю ее «Веселое анкетирование» Ты как? Не против?

– Я... Как бы...

– Вот и отлично. Я задам тебе пять вопросов. Ответишь

на все – будешь ужинать без моего присутствия.

– А если...

– А если нет, то не будешь ужинать. Поехали. Первый вопрос. Он легкий. Сколько портфелей назад ты устроился на свою работу?

– Что? Это как? Что значит – сколько портфелей назад?

Смерть медленно достала из складок своей одежды часы на длинной цепочке и положила их на стол.

– Забыла сказать. На каждый ответ дается минута.

Дмитрий Павлович заерзал на стуле.

– Я, кажется, понимаю, – прошептал он, – сейчас, секундочку... Так, первый я сам купил, второй мне жена подарила, а этот мне коллеги презентовали. Выходит... Три! Три портфеля назад!

– Абсолютно верно, Димка! – застучала в ладоши Смерть. – Видишь, а ты боялся. Кстати, твоя секретарша предложила скинуться тебе на золотые часы, но твои коллеги посчитали, что это слишком жирно для тебя. Итак, следующий вопрос. Сколько подарков назад ты говорил своей жене, что любишь ее?

– О как, – задумался Дмитрий, – да я, вроде бы...

– Минута пошла.

«Черт, а когда я в последний раз вообще что-то подобное говорил? – Мысли Дмитрия металась по закоулкам памяти. – Ладно, сейчас вспомню. На день рождения подарил цепочку, но вроде бы ничего такого не говорил. Поздравил

и всё. До этого на восьмое марта дарил браслет. Говорил? Вроде бы нет. Новый год... Кольцо. Да, точно, кольцо. Вообще смутно помню тот Новый год... А! На одном из корпоративов конкурс какой-то был. Надо было кричать, что люблю. Да, точно! Я еще пьяный тогда был... Это было два года назад. Выходит, по три подарка в год».

– Пятнадцать секунд, – пальцем постучала по часам Смерть.

– Шесть. Шесть подарков назад.

Смерть замерла и снова щелкнула по часам. Стрелка остановилась.

– Правильно? – На лбу Дмитрия выступили капельки пота.

Смерть молчала.

– Нет? Не шесть? – прошептал он дрожащим голосом.

– И это... Правильный ответ! Димка, ты чего так волнуешься? – засмеялась она. – Как будто на годовую зарплату играешь. Кстати, в предпоследний раз ты признавался ей в любви за пятнадцать подарков до того корпоратива. Это так, к сведению.

Дмитрию было не до смеха. Этот вопрос почему-то огорчил его, хоть он и ответил правильно. В памяти вдруг всплыли воспоминания из молодости. Как он со своей будущей женой лез на крышу многоэтажки, чтобы просто посмотреть на звездное небо. Как они в выходной вставали в четыре утра, чтобы встретить рассвет за городом. Как он забирался к ней

в окно, когда она жила на втором этаже. Как он впервые признался ей в любви... Куда это все исчезло? Подарки стали обязанностью, приуроченной к определённым дням. Пост сдал, пост принял...

– Итак, следующий вопрос. – Смерть вытащила его из воспоминаний: – Сколько автомобилей назад ты виделся со своим другом детства Серегой?

– С Серегой? – нахмурился мужчина. – А, Серега! Вспомнил. Это было... Так, первую машину он мне помогал выбирать, а вот вторую... Нет, меня к тому времени уже повесили и мы перестали видеться. Только созванивались по праздникам. После второй у меня еще одна была и уже потом вот эта. Выходит, что три автомобиля назад.

– Это окончательный ответ?

– Да, три.

В этот раз Смерть не стала тянуть время.

– И снова правильно! Молодец, Димка! Кстати, Серега умер в прошлом году, – продолжая улыбаться, добавила она.

– Как умер? – ошарашено произнес Дмитрий.

– Вот так. Была возможность его спасти, но не хватило денег на операцию.

– Но... Как же так? Почему он мне не позвонил? – В сердцах стукнул кулаком по столу Дмитрий.

– Звонил. Но ему никто не ответил, потому что ты не посчитал нужным сообщить ему свой новый номер.

– Серега... – схватившись руками за голову, зашептал

Дмитрий. В памяти тут же всплыло вечно улыбающееся лицо друга. Серега был душой компании. А как он зажигал на гитаре... Но он никак не соответствовал новому кругу общения Дмитрия, да и времени на встречи не хватало. А постоянные звонки с предложениями съездить на рыбалку, выбраться к морю с палатками или пожарить мясо в лесу, утомляли и отвлекали от повседневных дел и знакомств с нужными людьми. Именно поэтому он решил не сообщать Сереге свой новый номер телефона, решив, что когда-нибудь сам с ним свяжется. Не позвонил. И уже не позвонит. Никогда.

– Четвертый вопрос, – как ни в чем не бывало, продолжила Смерть. – Сколько миллионных контрактов назад ты ходил в зоопарк со своей дочерью?

На Дмитрия было жалко смотреть. Надменный взгляд куда-то исчез, лицо осунулось. Он как будто постарел на десять лет за минуты этой дурацкой игры.

– С дочкой... С ней я ходил в зоопарк как раз до моего повышения. С тех пор мы подписали двадцать девять миллионов, – как-то равнодушно проговорил он, подперев голову рукой. – Это я хорошо помню, потому что мы как раз собирались устроить мероприятие по поводу юбилейного контракта.

– Не буду тебя мучить, Димка, – кивнула Смерть, – это правильный ответ. Кстати, твоя дочь иногда называет папой своего дедушку. Но это мелочи. Ты готов к последнему вопросу?

Смерть перестала улыбаться и пристально посмотрела на Дмитрия.

– Этот вопрос будет сложным. Тебе придется самому сформулировать ответ по правилам, которые ты, надеюсь, уже понял. Готов?

Дмитрий угрюмо кивнул, не отрывая глаз от стола.

– Когда ты был счастливым человеком?

Она щелкнула по часам и стрелка побежала по кругу, отмеряя, быть может, последнюю минуту жизни Дмитрия. Он же равнодушно следил за ней, как будто вся эта ситуация его совсем не касалась.

Пятнадцать секунд.

Смерть медленно положила руки на стол.

Тридцать секунд.

Дмитрий вздохнул, прикрыл глаза и закрыл лицо руками.

Сорок пять секунд.

В конце зала показался администратор. Он решил лично принести заказанные блюда Дмитрию Павловичу.

Пятьдесят восемь секунд.

– Одну жизнь назад, – посмотрев в глаза Смерти усталым взглядом, прошептал Дмитрий.

Стрелка завершила круг и остановилась. Смерть бережно взяла часы, молча встала из-за стола и встала за спиной зажмурившегося мужчины. Положив костлявые руки ему на плечи, отчего через все его тело пробежала дикая дрожь, она медленно наклонилась к его уху.

– Приятного аппетита, Димка.

Маленький Нок

Котенок подошел к приоткрытой двери и, заглянув в щель, по привычке присел на задние лапы, чтобы обдумать – действительно ли ему стоит в нее заходить. Взвесив все «за» и «против», он принял решение и, потянув лапой дверь, оказался внутри помещения.

Убранство комнаты не отличалось особым разнообразием. Вдоль стен кабинета стояли стулья, а посередине – стол, на котором, среди стопок бумаг, возлежал большой белый кот. Заметив гостя, он широко зевнул и уставился на котенка зелеными глазами.

– Привет, – лениво произнес он.

– Здравсти, – ответил котенок.

– Знаешь, кто я?

– Нет.

– Я – Кошачий Бог, – важно произнес кот, – и раз уж ты умер, я сейчас буду судить тебя по твоим делам. А в конце вынесу решение – куда тебе отправиться. Если ты прожил свою жизнь правильно, то ты отправишься в Кошачий Рай – место, где круглый год цветет валериана, где мыши такие толстые, жирные и глупые, что для того, чтобы их поймать, достаточно просто лечь и открыть пасть, где можно точить когти обо все, что угодно, где чесать тебя будут, когда ты захочешь.

– А если я жил неправильно?

– Тогда пойдешь в Кошачий Ад. Там растут одни апельсины и мандарины, постоянно идет дождь, а мыши бегают так быстро, что еще никто не смог поймать ни одну. И еще там постоянно чешется за ухом.

– Не очень хорошее место, – вздохнул котенок.

– Ну так Ад же... – философски заметил кот. – Итак, начнем. Как тебя зовут?

– Нок.

– Нок?

– Да, Нок.

– Нет такого имени.

Котенок удивленно перевел взгляд с кота на свой хвост, потом тщательно осмотрел свои лапы и даже попытался соскребать глаза на свою спину.

– Как это – нет? Я же есть, значит и имя есть.

– Ни один человек в здравом уме не назовет котенка Ноком. Что это за имя? У тебя были сумасшедшие хозяева?

– Ладно, меня зовут НоктюРН, – немного смутившись, признался котенок, – просто мне больше нравится короткое имя.

– И что значит этот «НоктюРН»?

– Меня так зовут.

– Это я уже понял. Мне интересно – что значит твое имя?

– Откуда я знаю? Меня так назвала хозяйка.

– Уверен, что она сама не знает, что означает это слово.

– Это слово обозначает мое имя, а мое имя обозначает меня. Что здесь непонятного?

– Будь добр, повтори его еще раз.

– Нок.

– Нет, полностью.

– НоктюРН, – нехотя произнес котенок.

Белый кот о чем-то глубоко задумался, прикрыв глаза и иногда помахивая пушистым хвостом.

– Может, уже начнем судиться? – подал голос котенок, который и раньше не очень любил свое полное имя. Но сегодня ему почему-то стало за него особенно стыдно.

– Ты знаешь, мне в голову не приходит никаких аналогий. – Белый открыл глаза и посмотрел на котенка сверху вниз. – Я слышал много имен на своем веку, но это... НоктюРН... Звучит, как... как... – Неожиданная догадка пришла в голову Белому. – Вот оно что! НоктюРН звучит как: «К ногтю»! Твоя хозяйка, скорее всего, была суровой женщиной. Кормила хоть иногда?

– Каждый день.

– Била?

– Ни разу.

– А как же ты здесь оказался?

– Упал в окно, – вздохнул Нок.

– Правильно говорить – выпал из окна, – поправил его Белый, – не самая лучшая смерть, но и не самая плохая. Впрочем, – немного подумав, произнес он, – глупо делить смер-

ти по качественному признаку. Главное в них – результативность. Твоя смерть была результативной.

– Может, все-таки начнем судиться? – снова напомнил о себе Нок.

– Ах, да. Прости, – кивнул Белый и принял более торжественную позу, перевалившись на другой бок, – давай начнем с твоих грехов...

Но грехи Нока так и остались известны только ему одному. Через секунду одна из дверей в кабинет распахнулась и в комнату вошел кто-то, очень похожий на человека. В принципе, он ничем от человека и не отличался, поэтому у Нока не было никаких оснований испугаться этого гостя. Белый же, наоборот, прижался к столу и очень медленно попытался слезть с него так, чтобы человек его не заметил. Но было поздно.

– А ну брысь со стола! – выкрикнул вошедший и угрожающе взмахнул рукой.

Белый тут же оказался на полу, а уже через пару секунд, слегка забуксовав при разгоне, скрылся в проеме двери, из которого только что появился человек.

– Эй, куда ты? – закричал Нок. – А кто будет со мной судиться?

Вошедший на секунду замер, пытаясь понять, откуда раздался писк, затем, увидев котенка, подошел к нему и присел рядом.

– А кто это к нам пожаловал? – улыбаясь, произнес он и,

протянув руку, почесал Нока за ухом.

– Вы не подскажите, куда убежал Кошачий Бог? – спросил котенок. – Мы должны были судиться, чтобы он сказал мне куда идти – в Кошачий Рай или Кошачий Ад.

– Кошачий Бог? – Сначала лицо человека расплылось в улыбке, а потом он затрясся в беззвучном смехе. – Этот белый прохиндей, обжора и хитрец сказал тебе, что он Кошачий Бог?

– Да, и мы с ним должны были судиться. Куда он убежал?

– Думаю, что он побежал искать какое-нибудь другое плоское место, на котором он распластается, как блин, и предастся размышлениям о своей важности.

– Так он... Он не Бог? – нахмурился Нок.

– У котов нет богов, малыш, – усмехнулся человек и снова погладил его по голове, – вы их не придумали в свое время, а люди не удосужились сделать это за вас, так как они были заняты придумыванием своих богов.

– И что мне теперь делать? Куда мне идти? В Ад или в Рай?

– Ну, что же ты такой глупый? – улыбнулся человек. – У вас нет ни рая, ни ада. Ты можешь свободно гулять по всей... территории. Назовем ее так. Точно так же, как это делает белый кот, с которым ты уже познакомился.

Котенок задумчиво вздохнул и снова посмотрел на человека.

– Неужели никто не придумал, чем заниматься кошкам

после смерти? Как-то это скучно – ничего не делать.

– Ну... – Человек развел руки в стороны. – Вам следовало бы позаботиться об этом раньше и придумать себе занятие после смерти.

– Жалко, что никто из моего рода никогда об этом не задумывался, – покачал головой Нок и снова поднял взгляд на человека: – А кто вы такой? Откуда вы все это знаете?

– Я – Человеческий Бог, – представился он, – один из тех, которого придумали люди. Те, которые верят в меня, встречаются здесь со мной после своей смерти. И я решаю, куда их направить – в Человеческий Ад или Рай.

– А эти места... Ад и Рай тоже придумали они сами?

– Конечно, – кивнул Бог, – на самом деле этой Вселенной нет никакого дела до всяких наказаний и поощрений. Поэтому задачу придумывания всего этого она возложила на самих людей.

– Получается, здесь есть и другие человеческие боги?

– Да, их здесь великое множество. Каждый человек встречается со своим богом после смерти.

– А если он не верит ни в каких богов?

– Тогда он ни с кем не встречается, а просто живет здесь в соответствии со своими представлениями о загробной жизни. Некоторые верят в то, что они будут гнить в земле после смерти, – они здесь этим и занимаются. Если выйти из комнаты и пройти по коридору, а потом свернуть налево и выйти на улицу, то можно будет оказаться в поле, где все они

потихоньку разлагаются. Есть те, которые верили в то, что после смерти они переродятся в других живых существ – с ними всё так и происходит. Есть даже такие люди, которые считают, что после их конца с ними ничего не произойдет и наступит вечная темнота. И их действительно ждет темнота. Ну, а те, кто нуждается в Суде, – попадают ко мне. Этот мир очень добр и справедлив ко всем. Он исполняет желания каждого, нужно лишь только в это поверить. Каждому – по вере его.

Котенок слушал Человеческого Бога с широко открытыми глазами, внимая каждому его слову.

– Вот и вся история, дружок, – улыбнулся Человеческий Бог и погладил котенка по голове, – теперь иди, а я займусь своими делами. Сейчас сюда будут заходить люди, которые выдумали меня и поверили, а я буду судить их по законам, которые они, опять же, сами и придумали. Некоторые из них весьма забавные, – подмигнул Бог котенку.

– Но... Я не хочу просто шлаться здесь без дела, – вздохнул Нок, – нельзя ли сделать так, чтобы у меня тоже было какое-нибудь занятие?

– Вряд ли, – покачал головой Бог. – Кстати, а чем бы ты сам хотел заняться?

– Мне кажется, что люди, которые попадают сюда, не очень радуются этому событию. Я бы мог встречать их здесь, у входа. Они брали бы меня на руки, а я бы мурчал и тыкался мокрым носом в их ладони. Тогда им будет не так страшно,

когда они поймут, что умерли.

– Хм. – Бог задумчиво почесал подбородок. – Мне кажется, что они были бы рады такой встрече... Знаешь, я не против. Но от меня это не зависит. Если ты сможешь сделать так, чтобы живые узнали о тебе и поверили, что встретят тебя здесь, то пусть так и будет. Кстати, как тебя зовут?

– Ноктюрн, – снова смутился котенок, – но мне больше нравится, когда меня называют Ноком.

– Ну что ж, маленький Нок, попробуй рассказать о себе людям.

– А как?

Бог оглянулся по сторонам и наклонился поближе к котенку.

– Сны, – зашептал он, – это единственное средство связи между нашими мирами. Приснись кому-нибудь и расскажи о себе. А этот человек поведаст о тебе другим. Быть может, в тебя поверит достаточное количество людей и тогда ты сможешь помогать им, а не будешь шататься здесь без дела...

Все мы когда-нибудь окажемся Там. Неважно – в кого и во что вы верите, просто знайте, что у Великой Двери вас будет ждать маленький котенок. Смело берите его на руки. Он обязательно замурчит и прижмется к вашим ладоням, а вам будет не так страшно переступить через порог вечности. Он обязательно успокоит вас и приободрит. Только называйте его Ноком – он не очень любит свое полное имя. Да, пере-

дайте ему, что я сделал всё, что мог. Думаю, он обрадуется.

Письмо тебе

Здравствуй! Я долго решалась написать тебе это письмо, начинала, а затем откладывала его на потом. Не знаю – поймешь ты меня или нет, но все же я решила, что должна рассказать тебе о том, что меня тревожит. Прочитай, а если сочтешь все это моими выдумками, то я не обижусь. Просто мне нужно выговориться и кое-что тебе рассказать. Возможно, это покажется тебе интересным.

Каждый художник когда-нибудь возьмет да и напишет автопортрет, ни один скульптор не удержится от того, чтобы не придать одной из статуй свои черты, даже писатель обязательно придумает героя, удивительно похожего на него самого. Не вложить частичку себя в свое творение – это как корове родить утконоса. Вот был бы номер, правда? И касается это не только творческих людей. Это касается всех. Каждый пытается оставить своей отпечаток на всем, к чему прикасается. Кто-то уродует мир еще больше, оставляя надпись: «Здесь был Вася» на памятнике архитектуры, кто-то отстаивает свое право на изменения, ругаясь с заказчиком, который хотел видеть стены в своем доме белыми, а не синими, а кто-то действительно создает прекрасное. Но все они похожи в одном – каждый из них пытается изменить то, что уже есть. Не делают этого только мертвые и «мертвые».

Уверена, что на этом месте ты остановишься и перечи-

таешь последнее предложение еще раз, чтобы понять его смысл или покрутить пальцем у виска. Не спеши, я все тебе объясню. Дело в том, что мертвые бывают двух видов:

1. Мертвые мертвые.

2. Живые мертвые.

Для того чтобы не вызывать диссонанс и не наводить путаницу, вторых мы обычно называем просто «мертвыми», ограждая их кавычками от всего окружающего мира. Если бы был знак пунктуации, обозначающий «забор из колючей проволоки», то, я уверена, что люди заключали бы это слово в него со всех сторон. И сверху, и снизу. Ведь «мертвые» никому неинтересны, обычные люди стараются их не замечать. Их вроде как и не существует вовсе.

Думаю, что за всю жизнь тебе повстречался хотя бы один такой. Их легко узнать. Как правило, их сразу же выдают глаза. Они пусты, равнодушны и блеклы. Глаза людей иногда сравнивают с озерами, океанами и даже со вселенными и галактиками. Глаза «мертвых» похожи на минерал бета-фергусонит. Ты помнишь, как выглядит бета-фергусонит? Вот и с их глазами та же история. Пройдешь мимо и не заметишь.

Движения «мертвых» сложно охарактеризовать одним словом. Пожалуй, лучше всего подойдет термин «непредсказуемые». Потому как с «мертвым» можно внезапно столкнуться на улице, совершенно не заметив его приближения. Только что перед тобой никого не было и – раз... На тебя уже смотрят два бета-фергусонита. Ты на мгновение пере-

водишь взгляд на свои ботинки, поднимаешь голову, а его уже и след простыл. И ты идешь дальше по своим делам, забыв об этой встрече. Ведь у «мертвых» есть одна суперспособность – они умеют испаряться из памяти в считанные доли секунды. Конечно же, если ты не их близкий родственник. Хотя известны и такие случаи, когда они испарялись даже из воспоминаний своих детей.

Еще «мертвые» не умеют... Впрочем, мне кажется, я уже утомила тебя этими описаниями. Тем более что эти люди, как я уже говорила, никому не интересны. Скорее всего, ты читаешь эти строки, уже откровенно зевая. Хорошо, тогда я буду заканчивать это письмо. Но, с твоего позволения, я все же напишу еще несколько строк о них. Постараюсь быть максимально краткой.

«Мертвые» – это люди с погибшими душами. У каждой из них своя история смерти. Каждый из них когда-то был живым, жизнерадостным, веселым человеком с расписанными на всю жизнь планами. А потом что-то случается и всё... Помнишь, как это было у тебя? Тебе тогда было очень тяжело, но мы справились. Но не у всех это получается. Душа трескается, ссыхается, лопается и разваливается на маленькие кусочки. Она умирает. Человек продолжает есть, пить, дышать, ходить на работу, иногда даже создавать семью и отмечать дни рождения, но он уже «мертв». Всё это делается по инерции, по накатанной.

«Мертвые» никогда не скажут вслух о том, что они «умер-

ли». Обычно они стараются это скрыть. Ведь тогда живые совсем перестанут их замечать. Недавно «умершие» лежат ночами в своих кроватях, смотрят в потолок или в окно и пытаются склеить осколки своих душ по кусочкам. Время идет, и они, устав от бесплодных попыток, бросают это занятие, смирившись с очевидным. Души не воскресают. Они смертны. Но сначала «мертвые» все равно пытаются вернуть себя к жизни, изображая живых. Они громче всех смеются и веселят окружающих, они с головой окунаются в работу, придумывают себе новые увлечения и хобби. Но за громким смехом они скрывают тоску, за работоспособностью – дикую внутреннюю усталость, а за показным интересом – бесконечное равнодушие. Затем их фитиль гаснет окончательно. Они становятся «прозрачными». Это как раз те, о которых я рассказывала в начале письма. Невыносимое зрелище.

И самое главное. Ты даже не представляешь, как много их вокруг нас. Очень много. Несчастные «мертвые», которые смирились со своей судьбой, которые еще не поняли, что их душа умерла, которые еще пытаются казаться живыми... Их десятки и сотни тысяч. Это ужасно. Впрочем, хватит о них. Я и так уже слишком много тебе рассказала. Я просто хотела сказать, что очень хочу жить. Я иногда болею – наверное, ты это чувствуешь, но я еще жива. Улыбайся чаще, гони от себя темные мысли, радуйся каждому новому дню, занимайся тем, что тебе действительно нравится, живи по-настоящему. И обязательно гладь котов, это важно!

Всё. На этом заканчиваю свое письмо. Надеюсь, что ты прочитаешь его до конца.

С любовью, Твоя Душа.

Чайка и Баркас

Старый баркас понимал, что доживает последние годы своей жизни. Да и жизнью его существование было сложно назвать. Пару лет назад люди вытащили его на берег, да так и оставили догнивать – никому не нужного и всеми забытого. Как известно, корабли погибают не в море, корабли умирают на берегу. И нет более печальной кончины для них, чем смерть на суше.

Первое время баркас думал, что его оставили здесь ненадолго. Вот пройдет несколько дней и на горизонте появится его друг – буксир, который вытащит его в море. Снова расправится белоснежный парус на его мачте, а на палубе снова будут звучать грубые, но такие родные словечки моряков. И снова он навалится форштевнем на податливую волну, разрезая ее на две части и оставляя за собой пенный след. Но буксир не появлялся, мачта уже почти сгнила и держалась на одном честном слове, а на палубе хозяйничал молчаливый и угрюмый ветер.

В один из дней его разбудили громкие людские голоса. Баркас обрадовался: «Ну наконец-то! Сколько можно было ждать?!» Но люди не спешили выходить на нем в море, а когда они принялись отрывать от него медные части и резать парус, ему все стало понятно.

Больше всего баркас переживал из-за того, что его предал

друг – буксир. Ведь они были как братья и клялись друг другу в вечной дружбе. Но, видимо, эта дружба была ненастоящей, иначе буксир давно бы уже спас его. От этой мысли на душе становилось еще горше и обиднее.

Несколько недель назад он подружился с чайкой, которая прилетала иногда, чтобы посидеть на его носу и перекинуться с баркасом парой слов. Вот и сегодня его разбудил шум ее крыльев, а через мгновение он почувствовал, как две лапы мягко опустились на палубу.

– Когда ты выйдешь в море, не забудь, что по старому фарватеру уже никто не ходит. Не хватало еще, чтобы ты распол себе брюхо в этот знаменательный день.

– Я уже никогда не выйду в море, – скрипнул баркас, – и ты прекрасно это понимаешь.

Чайка недоуменно наклонила голову набок.

– Что значит – не выйдешь? Ты опять за своё?

Баркас скрипнул что-то себе под нос и замолчал. Чайка важно прошла от носа к корме и, развернувшись, ткнула клювом в полусгнившую доску.

– Что? – недовольно откликнулся корабль.

– Мне не нравится твой настрой, – задумчиво произнесла чайка, – послушай меня, мой друг, каждый на этой земле рождается со своим предназначением. Ты рожден для моря, а это значит, что рано или поздно ты все равно окажешься в море. Понимаешь? Это судьба, твой путь. Нет таких сил, которые могли бы изменить этот порядок вещей.

– Почему же тогда я сейчас гнию на берегу?

– Это временно, – уверенно произнесла чайка, – жизнь всегда расставляет все по своим местам. Это неотвратно и определённо. Важно лишь то, каким ты встретишь тот день, когда снова увидишь море. Если будешь грустить и тосковать, как ты это делаешь сейчас, то к тому времени от тебя останется один киль, с которым море поиграет и снова выбросит на берег, как надоевшую игрушку. Если же ты будешь ждать и верить, что рано или поздно это все равно случится, то море встретит тебя как старого знакомого. Оно нежно качнет тебя на своих руках и...

Чайка запнулась и замолчала.

– Что – и?

– И все будет хорошо. Поэтому давай-ка взбодрись.

Баркас молчал, только лишь иногда поскрипывая оторвавшейся доской, которая стучала по его борту при резких порывах ветра.

– Лучше расскажи мне, какое оно сегодня?

Его нос был повернут в сторону берега, поэтому уже несколько лет он не видел смысла своей жизни – моря, довольствуясь лишь шумом прибоя.

– О, сегодня оно красиво, как никогда раньше, – развернувшись к воде, произнесла чайка, – сегодня оно слегка задумчивое, но удивительно сосредоточенное, как будто оно готовится к чему-то очень важному для него. Его движения медлительны и размерены, будто бы оно идет на встре-

чу с кем-то очень дорогим для него, и пытается насладиться ожиданием, растягивая его своей нерасторопностью. Сегодня оно теплое и доброе, оно гладит берег своими волнами так нежно, как будто это его единственный сын. Но я вижу, что на горизонте собираются тучи. Тяжелые, серые тучи. Они волнуют море, оно тревожится, но знаешь, как-то по-доброму. Как будто перед встречей со своим старым другом, которого очень давно не видел. Вот такое сегодня море.

Баркас слегка задрожал и неожиданно заскрипел ужасно тоскливым звуком.

– Ты снова плачешь? – покачала головой чайка. – Не нужно, успокойся. Скоро начнется шторм. Хочешь, я побуду с тобой?

– Да, – всхлипнул баркас и снова задрожал.

– Вот и хорошо, – кивнула чайка и уселась на палубу, поджав под себя лапы, – тогда рассказывай мне, что тебе сегодня снилось.

– Мне снится только оно, ты же знаешь.

– Да, знаю, – она снова бросила взгляд на горизонт, – сегодня будет жестокий шторм. Очень жестокий...

Шторм бушевал как в последний раз. Резкие порывы ветра раскачивали баркас, заставляя его скрипеть и пищать. Огромные волны накатывали на берег, обдавая градом брызг его корму. Молнии прочерчивали в небе витиеватые линии, на мгновения выхватывая из темноты чайку, прижавшуюся

к борту баркаса.

Они молчали. Все равно из-за шторма сложно было разоб-
брать слова, да и не нужны они были. Баркас чувствовал на
своей спине этот маленький комок перьев и ему становилось
не так горько от своего одиночества. Чайка ощущала дрожь
судна и понимала, что, находясь здесь, она делает нужное и
важное дело для своего друга, поддерживая его в трудную
минуту.

– Что это?

Удивленный голос баркаса прорезался сквозь грохот
волн.

– Где?

Чайка поднялась на лапы и закрутила головой во все сто-
роны.

– Что происходит? Чайка, ты здесь?

– Здесь! Что случилось?

– Мне кажется, ядвигаюсь. Что это?

Чайка выглянула за борт. Действительно – баркас поти-
хоньку скользил к воде по песку. Море так разбушевалось,
что волны, не успевающие возвращаться обратно под напо-
ром своих собратьев, докатывались до баркаса, потихоньку
приподнимая его и увлекая за собой.

– Получилось! – Чайка даже подпрыгнула на месте. – Я же
тебе говорила! Все обязательно случится, даже если ты в это
не веришь! Море забирает тебя обратно!

– Неужели это правда? – Голос баркаса дрожал от волне-

ния. — Оно не забыло обо мне!

— Я же говорила тебе, что оно сегодня как будто к чему-то готовится! Оно готовилось ко встрече с тобой! Слышишь?

Баркас молчал и медленно скользил к морю. Еще полчаса — и его корма качнулась на воде, а затем и форштевень, царапнув напоследок берег, оторвался от него навсегда. Баркас снова увидел свою мечту, снова ощутил своим дряхлым телом всю мощь, силу и энергию моря. Еще через час он был уже в ста метрах от берега. Море бросало его из стороны в сторону, раскачивая на волнах, а баркас смеялся. Наслаждаясь каждым своим движением, он заливался громким и радостным смехом. Он был счастлив. Он был счастлив даже тогда, когда вода стала заполнять его прогнивший трюм, ведь он умрет не на берегу, он умрет в объятиях своей вечной любви, а что может быть лучше такой смерти...

— Чайка! Чайка! Слышишь меня? — пытался перекрыть он шум шторма. — Ты была права! Оно не забыло обо мне! Оно меня не бросило! Моя судьба, мое предназначение в этой жизни! Мое море и я! Мы снова вместе, чайка!

Птица пыталась что-то ответить, но баркас ее не слышал. Оттолкнувшись от палубы тонущего судна, она взмыла в небо и принялась кружить, наблюдая за последними секундами жизни баркаса.

— Прощай, чайка! Спасибо тебе за все! Ты... всегда была... помнить... никогда не забуду... прощай, ча...

Волны сомкнулись над баркасом, и он навсегда исчез в

пучине своей любви.

– До встречи, друг, – тихо шепнула птица и, взмахнув крыльями, полетела к берегу.

С той памятной ночи прошло два года. Чайка часто возвращалась к тому месту, где когда-то она со своим другом проводила вечера, скрашивая его одиночество. Туда, где они любили беседовать обо всем что угодно. Туда, где все темы все равно сводились к одной – к разговорам об этом бесконечном и прекрасном море.

Так и сегодня постаревшая чайка тяжело опустилась на берег и взглянула на море мутными глазами. Ее пошатывало и качало. Годы взяли свое. На секунду прикрыв глаза, она почти сразу провалилась в сон, но из дремоты ее вывел шум крыльев над головой. Приоткрыв глаза, она увидела рядом с собой молодого альбатроса. Он смотрел на нее своими темными глазами и даже как будто слегка улыбался, переминаясь с лапы на лапу.

– Мне кажется, вы не очень хорошо себя чувствуете, – произнес альбатрос.

– Да, судя по всему, мне осталось недолго.

– Вы плохо видите?

– Только силуэты.

Альбатрос вздохнул и снова переступил с лапы на лапу.

– Я бы мог рассказать вам, какое сегодня море. Почему-то мне кажется, что для вас это важно.

Чайка повернула голову и уставилась на незваного гостя почти слепыми глазами.

— Думаю, что оно сегодня красивое, как никогда раньше, — тихо произнесла она, — сегодня оно слегка задумчивое, но удивительно сосредоточенное, как будто оно готовится к чему-то очень важному для него. Его движения медлительны и размеренны...

— ...будто оно идет на встречу с кем-то очень дорогим для него, — перебил ее альбатрос, — и пытается насладиться ожиданием, растягивая его своей нерасторопностью.

— Я рада, что ты вернулся. — Чайка наклонила голову и прикрыла глаза. — Я скучала по тебе, баркас.

— Теперь я понимаю, почему ты не пришел за мной тогда, мой друг буксир, — кивнул альбатрос, — надеюсь, что ты погиб в море и тебе не пришлось гнить несколько лет на берегу.

— Да. Я распорол брюхо в старом фарватере. Помнишь, я предупреждал тебя о нем?

— Почему сразу не сказал, что чайка — это ты?

— Судьба, мой друг. Она все равно расставит все по местам, и нет таких...

— Да, да, я помню, — хмыкнул альбатрос, — нет таких сил, которые способны изменить этот порядок вещей.

— Именно.

— Полетели? — Взмахнул крыльями альбатрос.

— Полетели, мой друг. Теперь твоя очередь провожать меня.

Две птицы оттолкнулись от берега и взмыли в небо, расправив свои крылья над этим прекрасным, бескрайним и бесконечно очаровательным морем. Над их судьбой и предназначением, с которым они повязаны навечно.

На берег вернулась только одна птица. Но это было не важно, ведь если ты рожден для моря, то что бы ни произошло, рано или поздно ты все равно окажешься в море. Хоть в этой жизни, хоть в следующей.

Разговор в метро

Максим сошел со ступени эскалатора и медленно побрел к перрону. Опершись спиной на одну из колонн, он посмотрел по сторонам. На платформе находились еще три человека – влюбленная парочка, обнявшись, мило щебетала почти у самого начала тоннеля, с другой стороны на скамейке сидел пожилой мужчина и клевал носом. Максим тоже не отказался бы вздремнуть часов десять – сегодня был сумасшедший рабочий день и именно поэтому он добрался до метро так поздно. Видеть почти пустую станцию было немного непривычно и даже немного жутковато, в другое время здесь было не протолкнуться от бегущих куда-то людей, но сейчас можно было не думать о том, как попасть в вагон и не оказаться затоптанным до полусмерти.

Максим бросил взгляд на часы и поморщился. Пока он доберется до дома, пока поест и подготовится к завтрашнему дню, пройдет не меньше полутора часов, а это значит, что поспать ему сегодня удастся не больше шести часов. А завтра он снова окажется здесь, на этой станции метро, поднимется по эскалатору в толпе таких же невыспавшихся людей и снова окажется на работе. И так каждый день с небольшими перерывами на выходные.

От мрачных мыслей его отвлек шум приближающегося поезда, а через несколько секунд из темноты тоннеля выныр-

нуло яркое пятно фонаря, освещавшего путь металлического червя, пробирающегося по своим сумрачным подземным норам. Максим шагнул к краю платформы и стал ждать остановки поезда. Пустые вагоны проносились мимо него, постепенно замедляя ход. Наконец состав замер. Максим шагнул в открытые двери и со вздохом опустился на ближайшее сиденье. Двери закрылись, и поезд, слегка качнув своих пассажиров, снова тронулся в путь.

Максим по привычке сунул руку во внутренний карман куртки, чтобы достать телефон, – не сидеть же двадцать минут, уставившись в схему метрополитена. Но телефона в кармане не оказалось. Холодный пот покрыл все тело Максима, зрачки расширились, мышцы напряглись. Он судорожно стал бить себя ладонями по карманам. К счастью, приступ паники длился недолго. Телефон нашелся в правом кармане джинсов.

– Слава богу, – пробормотал он себе под нос и пальцем разблокировал экран.

– Не стоит благодарности, – раздался чей-то голос прямо над его ухом.

Максим вздрогнул и тут же повернулся к источнику звука. Справа от него сидел мужчина. На нем были черные джинсы и серая куртка с капюшоном, накинутым на голову, на ногах – белые кроссовки. Засунув руки в карманы куртки, он скрестил вытянутые ноги и мерно покачивался в такт движению поезда.

– Ой, я вас и не заметил даже, – виновато сказал Максим.

– Это нормально, – не поворачивая головы, произнес мужчина, – меня замечают только тогда, когда во мне нуждаются. Или, как в твоём случае, когда теряют, а затем находят свои телефоны. Это выглядит особенно забавно.

Максим не нашелся, что ответить на это откровение, но мужчина и не ждал от него ответа.

– Странное это выражение, ты так не считаешь? Вы употребляете его по любому поводу. Вот даже сейчас. Вместо того, чтобы сказать: «Позор моей забывчивости», ты говоришь: «Слава богу». Как будто это я нашел где-то на улице твой телефон, бежал за тобой до самого вагона метро, а затем как можно незаметнее засовывал его в твой карман. Глупо же? Глупо. – Мужчина замолчал и поменял местами ноги, закинув правую на левую. – Впрочем, это не важно. Ты не подумай, я не собираюсь читать морали о перекладывании ответственности и прочей ерунде.

– А вы считаете, что вы, типа, бог, да? – вздохнул Максим.

Конечно же, в завершение этого суматошного дня, именно напротив него должен был остановиться вагон с единственным пассажиром, который к тому же оказался городским дурачком.

– Раз уж мне довелось с вами встретиться, не могли бы вы прямо сейчас телепортировать меня домой? А еще лучше – сделайте так, чтобы в бухгалтерии забыли о том, что я уже брал отпуск в этом году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.